

ИРАНСКИЙ КУРДИСТАН В РУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена германо-российскому противостоянию в Иранском Курдистане накануне Первой мировой войны. На основе анализа широкого круга источников и научной литературы предпринята попытка дать объективную оценку тем историческим событиям и процессам, которые происходили в этом регионе в начале XX в. В работе раскрываются предпосылки возникновения, формы и методы соперничества двух европейских держав за преобладание в курдских провинциях шахского Ирана, а также освещаются основные результаты этой борьбы.

Ключевые слова: Россия; Германия; Иран (Персия); Курдистан; курды.

На протяжении последнего столетия территория расселения курдов – Курдистан – занимала важное место в системе международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, превратившись в настоящий очаг нестабильности в данном регионе. Не стал исключением и XXI в. При этом некоторые страны, как, например, США, пытаются использовать курдский фактор для достижения своих собственных геополитических целей в этой части земного шара. Такие принципы внешней политики были характерны и для начала XX в. Тогда, в преддверии Первой мировой войны, две противоборствующие европейские державы – Россия и кайзеровская Германия – вели между собой ожесточённую борьбу за преобладание в курдских районах шахского Ирана. В данной статье мы попытались осветить некоторые аспекты этого противостояния.

История русско-германских отношений на Ближнем и Среднем Востоке в начале XX столетия получила достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии. Среди учёных, занимавшихся изучением этой проблематики, можно назвать А.С. Авентяна, И.И. Астафьева, Г.Л. Бондаревского, А.С. Ерусалимского, Л.Г. Истягина, М.П. Павловича, Б.М. Туполева, А.К. Фукса, Махмуда Реза Годса, Б. Мартинса, П. Сайкса и других авторов. Однако анализ существующей научной литературы свидетельствует о том, что тема, затронутая в нашей статье, не получила практической разработки, что делает необходимым проведение исследований в этом направлении.

Курдский ареал Ирана, условно именуемый Иранским, или Восточным, Курдистаном, в рассматриваемый период включал в себя пять провинций на северо-западе страны: Тебризское, Керманшахское, Соуджбулакское, Урмийское губернаторства и Макинское ханство. Выгодное географическое положение этой области, расположенной на стыке границ Малой Азии, арабского мира и Закавказья, издревле привлекало к ней пристальное внимание ведущих мировых держав.

До начала XX в. Иранский Курдистан был объектом острого соперничества Российской и Британской империй. По совместной англо-русской декларации 1907 г. о разделе сфер влияния на Востоке он отошёл в зону непосредственного контроля царской России [1. С. 333–334]. Тем не менее взаимное сопер-

ничество двух крупнейших колониальных империй в этом регионе продолжалось, чем не преминула воспользоваться окрепшая Германия.

В 1871 г. благодаря военным усилиям прусской монархии был завершён процесс создания единого немецкого государства. Это явилось событием всемирно-исторического масштаба, влияние которого на международные отношения той эпохи сказалось незамедлительно.

На рубеже XIX–XX вв. объединённая Германия встала на путь колониальных захватов. К началу 1880-х гг., во время правления «железного канцлера» О. фон Бисмарка, Германии удалось захватить свои первые колонии в Юго-Восточной Африке. Спустя десятилетие кайзеровское правительство со всей остротой поставило вопрос о переделе уже сложившегося колониального мира. Так, в декабре 1897 г., выступая в рейхстаге, министр иностранных дел Германии Б. фон Бюлов громогласно заявил: «Прошли те времена, когда немец одному своему соседу уступал землю, другому – море, а сам довольствовался небом, где царит чистая доктрина. Мы никого не хотим отодвигать в тень, но мы требуем для себя места под солнцем» [2. С. 339].

В борьбе за «место под солнцем» немецкое руководство первостепенное значение отводило Ближнему Востоку. По замыслам вдохновителей германской внешней политики, установление в этом районе экономического и политического преобладания Германии должно было обеспечить ей установление прочных позиций на подступах к Индии и русскому Закавказью. В качестве опорного пункта, откуда можно было бы начать распространение своего влияния на весь ближневосточный регион, германский империализм избрал Иран. Выбор этот был обусловлен не только стратегическими соображениями, но и другими весьма немаловажными факторами.

В начале XX в. Германия повела активное наступление на позиции своих конкурентов на ближневосточной арене, в том числе и в Иране. Немецкие предприниматели добивались получения выгодных концессий, значительно увеличили ввоз своих товаров в эту страну, навязывали персидскому правительству заём и своих финансовых советников. Для проникновения в Иран немцы намеревались использовать начатое ими ещё в конце XIX столетия строительство Багдадской железной дороги, которую они планировали соединить с веткой в Тегеране [3. С. 112–117].

С начала 1906 г. наблюдается общий подъём торгово-экономического проникновения Германии в Иран. Главное внимание немецких компаний было обращено к уже занятым Россией и Великобританией зонам как наиболее богатым в экономическом отношении. Добившись определённых успехов на юге Ирана, в районе Персидского залива, германская дипломатия перенесла свои основные усилия на северо-запад – в Иранский Курдистан, то есть в сферу непосредственных интересов царизма.

На юго-западе русской зоны Германия проявляла особый интерес к Хамадану и Керманшаху – двум приграничным курдским городам, находившимся на пересечении важных торговых путей, шедших из Малой Азии в Месопотамию. Этот интерес не был чисто теоретическим. В июне 1908 г. российский посол в Тегеране Н.Г. Гартвиг сообщал, что немцы в Керманшахе «имеют большие виды», вследствие чего он советовал открыть здесь отделение русского Учётно-ссудного банка. В дальнейшем в немецких заметках о Хамадане и Керманшахе появились новые нюансы. Наряду со стратегическим значением этих городов обозначилась обнадёживающаяся перспектива эксплуатации нефтеносных месторождений названных областей [4. С. 133–134].

Серьёзным фактором в реализации «иранской» политики кайзеровской Германии стал Немецкий Восточный банк, основанный в Берлине в 1906 г. В соответствии с уставом он имел право на осуществление всех видов банковских операций и должен был содействовать развитию немецкой торговли со странами Леванта. Однако на деле банк, чей составной капитал к 1909 г. превысил 32 млн марок, превратился в орудие германской имперской экспансии на Востоке [5. С. 104–105].

В начале 1907 г. руководство Немецкого Восточного банка предприняло попытку проникновения в Иранский Курдистан. В своём письме от 13 сентября 1907 г. германскому внешнеполитическому ведомству члены правления банка выражали особую благодарность за предоставленную ценную информацию о Керманшахе. «Уже длительное время, – говорилось в письме, – мы стремимся к тому, чтобы распространить нашу поддержку германской торговле в этой части Востока». С этой целью банк заключил соглашение с расположенной в Багдаде фирмой «Берк Пюттман и К°», которая стала выступать в роли его официального представителя. Особое удовлетворение авторы письма выражали по поводу того, что данная фирма приняла твёрдое решение учредить в Керманшахе свой филиал, что позволяло банку оказывать и здесь активное содействие немецкому предпринимательству [Там же. С. 108].

В октябре 1907 г. в Иран со специальной миссией был направлен торговый атташе германского посольства в Турции К. Юнг. В его задачу входило изучение местных рынков и определение тех мест, в которых следовало бы открыть немецкие торговые и консульские учреждения. Исключительно большое внимание Юнг уделял сопредельному с Россией Восточному Курдистану и в первую очередь Тавризу, который он

рассматривал как «важный центр мануфактур» [4. С. 135].

В марте 1909 г. на пост внештатного немецкого консульского агента в Тавризе был назначен В. Шюнеман. Незадолго до своего назначения он основал в этом городе коммерческое общество «Аслан», затем фирму «Моссинг унд Шюнеман», занимавшуюся посреднической торговлей, а также строительными работами различной сложности [6. С. 233–234, 236]. В Тавризе Шюнеман установил тесные контакты с богатым персидским купцом Рахим-ага Казвини, от которого он получил подряд на строительство текстильной фабрики. В сентябре 1909 г. фирма Шюнемана стала оказывать услуги по транспортировке и страхованию грузов в Северной Персии. Это было уже прямым покушением на монопольное право русского «Бюро Персидских транспортов» [7. С. 226–227].

Осенью 1909 г. В. Шюнеман, пользуясь расположением тавризского губернатора Мохбера ос-Салтане, попытался получить концессию на судоходство по Урмийскому озеру, находившемуся всего в ста километрах от кавказской границы царской России. В начале октября 1909 г. от русского генерального консула в Тавризе В.Б. Миллера поступили тревожные сведения об учреждении персидской Урмийской компании. Из дальнейших донесений следовало, что компания собирается выпустить акции, большую часть которых намеревалась выкупить фирма «Моссинг унд Шюнеман». Потребовался энергичный нажим российских дипломатов на шахское правительство и огромные отступные фактическому владельцу озера принцу Имаму-кули с тем, чтобы добиться передачи прав на судоходство по Урмийскому озеру русскому обществу Джульфа-Тавризской железной дороги [Там же].

В начале 1910 г. германский империализм усилил своё проникновение в Иранский Курдистан. По мере того как Багдадская железная дорога всё ближе приближалась к пределам Персии, правящие круги Германии стремились обеспечить себе позиции, которые в будущем позволили бы продолжить её и на иранской территории. В частности, немецкие предприниматели «прощупывали почву» относительно получения разрешения от иранских властей на строительство железнодорожной ветки Ханекин–Тегеран, надеясь в дальнейшем сомкнуть её с Багдадской дорогой. Именно с этой целью в 1910 г. «Дойче банк» при поддержке кайзера Вильгельма II отправил в Персию экспедицию для изучения возможностей этого проекта. В марте 1910 г. немецкое правительство выступило с требованием о предоставлении ему в Иране тех же прав, какими обладали там Россия и Великобритания [3. С. 119].

В Российской империи с беспокойством наблюдали за тем, что происходит в соседней Персии. Появление нового грозного соперника в Северо-Западном Иране, безусловно, не могло не волновать российские власти. Особую тревогу у русских государственных деятелей вызывали настойчивые попытки Германии получить концессию на постройку железнодорожной ветки Ханекин–Тегеран. Не желая внезапно оказаться

перед свершившимся фактом выдачи персидским правительством германским компаниям железнодорожных или других важных концессий, Россия и Великобритания потребовали от него, чтобы никакие концессии не предоставлялись иностранным государствам без предварительного обмена мнениями с ними. Это вызвало решительный протест со стороны Берлина [8. С. 93].

В начале августа 1910 г. немецкий посол в Петербурге Ф. Пурталес заявил министру иностранных дел России С.Д. Сазонову, что общественное мнение в Германии «чрезвычайно раздражено тем», что не удалось достигнуть соглашения о разграничении русских и германских интересов в Персии, и предложил немедленно начать переговоры по этому вопросу [9. С. 54]. В русском МИДе давно уже ждали такого предложения. При этом руководители российской внешней политики полагали, что России лучше самой получить разрешение на строительство железнодорожной линии Ханекин–Тегеран, чем допустить, чтобы её строили немцы [Там же. С. 53].

В конце 1910 г. Германия и Россия предприняли последнюю попытку добиться смягчения взаимных разногласий в Иране. Обе державы рассматривали иранский вопрос как часть возможно общего урегулирования межгосударственных противоречий. Главная цель немецкой дипломатии заключалась в том, чтобы оторвать или, по крайней мере, отдалить Россию от Антанты. Ради достижения этого результата правящие круги кайзеровской Германии готовы были пойти навстречу некоторым пожеланиям царизма в Северо-Западном Иране.

28 октября 1910 г. состоялось Особое совещание российского Совета министров, посвящённое обсуждению русско-германских отношений «на почве персидских дел». Открывая это заседание, С.Д. Сазонов подчеркнул, что с решением этого вопроса русское правительство ожидает общего улучшения своих взаимоотношений с Германией. Линия российской дипломатии на переговорах с Берлином в общих чертах была намечена на совещании. Все его участники признали срочную необходимость достигнуть с Германией определённой договорённости [Там же. С. 52–57].

4–5 ноября 1910 г. в Потсдаме во время официального визита Николая II в Германию произошла встреча С.Д. Сазонова с немецким канцлером Т. Бетман-Гольвегом и статс-секретарём по иностранным делам А. Кидерлен-Вехтером. Помимо обсуждения общих проблем германо-российских отношений, стороны в том числе затронули и персидский вопрос. Так, Бетман-Гольвег составил проект договора, по которому немецкое правительство признавало Северную Персию сферой русских интересов, а Россия, в свою очередь, не должна была препятствовать немцам в сооружении Багдадской железной дороги. Однако Сазонов не решился подписать этот проект, но взял его с собой в Петербург [10. С. 8–9].

Между тем слухи о предстоящем подписании русско-германского соглашения проникли в печать. Это вызвало отрицательную реакцию со стороны торгово-промышленных кругов царской России, тесно

связанных с англо-французским капиталом. Они опасались, что сооружение предусмотренной договором железнодорожной ветки в Северной Персии приведёт к вытеснению русских товаров с иранского рынка [8. С. 95–96]. Тем не менее, несмотря на противодействие, Сазонов, желая несколько улучшить отношения с Берлином, 19 августа 1911 г. пошёл на заключение Потсдамского соглашения, изменив, однако, его первоначальную редакцию.

Согласно этому договору Германия признавала за Россией наличие «специальных интересов» в Северном Иране и обязывалась не добиваться получения там каких-либо концессий. Со своей стороны Россия обещала не препятствовать постройке Багдадской железной дороги и участию иностранных капиталов в этом предприятии. Кроме того, царское правительство брало на себя обязательство получить от Персии разрешение на сооружение железнодорожной ветки Ханекин–Тегеран, работы по строительству которой должны были начинаться не позднее, чем через два года после окончания строительства линии Седидже–Ханекин [1. С. 348–349].

Одновременно с подписанием этого договора немецкое руководство через своего посла в Петербурге дало России устное обязательство не строить в Турции ответвлений от Багдадской железной дороги в области, расположенной между «этой железной дорогой русской и персидской границей к северу от Ханекина» [11. Т. 18, Ч. 1. С. 323].

Однако, несмотря на подписание Потсдамского соглашения, германо-российская торгово-экономическая конкуренция в Иране сохранялась и продолжала усиливаться. Во многом это было следствием того, что германской дипломатии так и не удалось включить в текст договора упоминание о неучастии России во враждебных Германии блоках и союзах. В 1912 г. немецкие компании значительно увеличили ввоз своих товаров в Иран. Германский экспорт в эту страну только за один 1912–1913 финансовый год, по данным персидской таможенной администрации, составлял около 5% всего иностранного ввоза. По этому показателю Германия занимала третье место, уступая только Великобритании и России [4. С. 168].

Накануне Первой мировой войны, после значительного торгово-экономического проникновения в Иран, немцы рискнули открыть там собственное промышленное предприятие. В 1912 г. в Берлине была создана компания по импорту персидских ковров «Петач», которая имела свои филиалы во всех крупных городах Иранского Курдистана. «Петач» не ограничился только закупкой ковров для их последующей продажи в европейских странах, но и наладил своё собственное ковровое производство, вложив в него несколько миллионов марок. В Тавризе компания построила шерстоткацкую и шерстокрасильную фабрики и стала монополизировать производство и сбыт наиболее ценных ковровых изделий Ирана. По сведениям нового российского генерального консула в Тавризе А.А. Орлова, немецкие фабрики довольно быстро превратились в крупнейшие промышленные предприятия Иранского Курдистана, вокруг которых

«создалась атмосфера борьбы за общее влияние в крае между русскими и немцами» [12. Т. 3. С. 231].

В непосредственной связи с работой ковровой фабрики в начале 1914 г. немцы предприняли попытку организовать добычу каменного угля в Северо-Западном Иране. Поскольку компания испытывала острый дефицит в топливе, В. Шюнеман, действуя в качестве представителя «Петач», решил наладить на средства компании добычу угля в Тавризском округе. Однако посланные туда рабочие нашли каменно-угольные участки уже занятыми. Они входили в полосу отчуждения русского общества Джульфа-Тавризской железной дороги, получившего на основании концессионного договора от 6 февраля 1913 г. право на разработку угольных копий и нефтеносных источников на расстоянии 60 вёрст по обе стороны от дороги. Более того, здесь уже начал добычу угля русский концессионер-предприниматель Переяслов [Там же. Т. 1. С. 214–215].

Возник инцидент. Как доносило российское консульство, рабочие Переяслова были силой изгнаны нанятыми Шюнеманом людьми [Там же. Примеч. 2. С. 174]. Последовало вмешательство российского посольства в Тегеране, которому удалось урегулировать конфликт. При посредничестве российской миссии В. Шюнеман вступил в переговоры с Переясловым о покупке у последнего угля, когда добыча его будет налажена в полном объёме [Там же. Т. 1. Примеч. 3. С. 249]. Спор, таким образом, благодаря стараниям российских дипломатов, был временно улажен. Но он наглядно показал, какого накала может достигать взаимное соперничество. К тому же, как писал А.А. Орлов, снабжение русскими углём немецкой фабрики было воспринято местным населением «как капитуляция перед немцами» [Там же. Т. 3. С. 231].

В дальнейших донесениях русского генерального консульства в Тавризе прямо указывалось на угрозу «германского засилья» в Тавризском районе. По сведениям, которые консульство считало достоверными, немецкие предприятия в Тавризе стали получать секретные дотации от своего правительства: общество ковровой фабрики – 10 тыс. фунтов стерлингов, ниточная фабрика, паровая и столярная мастерская – до 2 тыс. фунтов в год [4. С. 182–183].

Не ослабевал интерес немцев и к Урмийскому озеру. В январе 1914 г. они при посредничестве турок предприняли новую попытку получить концессию на судоходство по Урмийскому озеру. По данным управляющего российского генерального консульства в Тавризе Преображенского, В. Шюнеман вновь вступил в тайные переговоры с Имам-кули, рекомендуя ему «передать свои права на озеро подставным лицам, турецкоподданным, и стать, таким образом, под защиту турецкого правительства, которое никакими соглашениями не связано с Россией на севере Персии». Заручившись согласием принца, Шюнеман от его имени вступил по этому вопросу в секретные переговоры с турецким консулом в Тавризе [12. Т. 1. Примеч. 3. С. 122]. Но к этому времени правом на судоходство по Урмийскому озеру завладел подданный России купец-армянин Будогоянц, причём прав-

ление Джульфа-Тавризской железной дороги добились обещания от официальных иранских властей о передаче прав на осуществление пассажирских перевозок по озеру исключительно этому обществу [12. Т. 1. Примеч. 3. С. 122].

В результате все пути к Урмийскому озеру для немцев оказались прочно заблокированы. Однако немецкие агенты постарались найти другие возможности закрепиться в этом районе. В частности, бурную деятельность здесь развил некий Нейман. Совместно с австрийским инженером Хонекон он основал в Урмии «Техническое бюро» с целью завоевания урмийского рынка немецкими и австрийскими товарами [13. Л. 112]. В феврале 1914 г. они приобрели здесь большой земельный участок для строительства промышленных предприятий: кирпичного завода, мельницы и лесопилни. Этот шаг Нейман и Хонек предприняли после визита в Урмию В. Шюнемана и австрийского вице-консула Эртельта. По данным русского вице-консула в Урмии П.П. Введенского, Шюнеман в этой поездке был снабжён строгими инструкциями от германской дипломатической миссии в Тегеране «взять и Урмийский район в сферу своих интересов» с тем, чтобы развивать здесь интенсивную германскую торговую деятельность «подобно тавризской» [12. Т. 1. Примеч. 6. С. 392–393]. Для выработки окончательного плана действий Нейман выехал в Тавриз, где он, по сведениям, получил субсидии от немецкого правительства и ковровой фабрики. Общий размер этих сумм оставался неизвестным, но было очевидно, что они предназначались для финансирования урмийского центра германской коммерческой активности [Там же. С. 393].

Помимо приобретения земельного участка, Нейман добивался получения концессии на строительство грунтовой дороги от города Урмии до пункта Гармахане на Урмийском озере, а после неудачи этой попытки – на проведение трамвайной линии «от своих сооружений и далее до города и озера» [Там же]. По возвращению Неймана из Тавриза два больших магазина в Урмии были оборудованы под германскую торговую выставку, товарные образцы которой поступали в большей части в посылках из Германии. Организационно-политической стороны деятельность Неймана в Урмийском округе курировал немецкий генеральный консул в Тавризе М. Литтен. Штатный германский консул должен был быть назначен в скором времени и в Урмию, что говорило об усилении интереса кайзеровского правительства к этому региону [Там же. Т. 2. С. 155–156].

Крупные промышленные предприятия немцы намеревались также открыть и в самом центре Иранского Курдистана – Соуджбулаке. Однако реализации этих планов помешало начало Первой мировой войны [4. С. 182].

Русские дипломаты предпринимали энергичные меры по противодействию германского проникновения в Восточный Курдистан. В ответ на попытки Германии закрепиться в Урмийском округе П.П. Введенский предложил создать в провинции российские торговые, транспортные и промышленные предприятия и расши-

рять площадь землевладения и землепользования, чтобы закрепить за Россией господствующие позиции в этом крае [14. С. 16–17]. Подобную точку зрения разделяли и многие другие высоставленные русские дипломатические чиновники. «Полагаю, – писал С.Д. Сазонову поверенный в делах в Тегеране Е.В. Саблин, – что покровительство и дальнейшее расширение русского землевладения в Персии является одной из самых главных задач наших здесь как по соображениям политическим, так и экономическим» [12. Т. 1. С. 96–97].

Успешную торговую борьбу в Северо-Западной Персии немцы сочетали с разведывательно-пропагандистской работой среди местного населения, имевшей ярко выраженную антироссийскую направленность. Начало активной деятельности германской агентуры в шахском Иране было положено в конце 1910 г. накануне русско-германских переговоров в Потсдаме. В 1911 г. перед немецким консульством в Тифлисе была поставлена задача добыть сведения о планах русских в отношении Ирана, объёме русско-иранской торговли, положении в приграничных с Ираном районах русского Закавказья, а также организовать отправку в Персию ряда сотрудников немецких фирм для сбора разведывательной информации. В 1912 г. в Тавризе была создана германская разведывательная резидентура (её вскоре возглавил В. Шюнеман), работавшая в тесном контакте с консульством в Тифлисе [15. Л. 589]. В дальнейшем по мере обострения противоречий между Россией и Германией как участниками враждебных военно-политических блоков разведывательно-подрывная деятельность немецкой агентуры приобрела более целенаправленный и интенсивный характер.

Особое место в своей «иранской» политике правящие круги кайзеровской Германии отводили многочисленным инациональным группам и кочевым племенам, которые обитали в различных областях Ирана, и в первую очередь курдам. В Берлине в полной мере осознали важность и значение курдистанского плацдарма в планировавшемся захвате русских владений на Кавказе и английских колоний в Азии.

В вербовочной и пропагандистской работе среди курдов немецкие агенты использовали различные методы и средства: от сбора сведений военного, экономического и политического характера до формирования диверсионно-повстанческих отрядов. Германский посланник в Тегеране принц Рейс, военный атташе граф Г. Каниц и многие другие немецкие дипломатические представители в Иране установили тесные контакты с вождями крупнейших курдских племён, снабжали их деньгами, подарками, оружием, боеприпасами и настраивали против России.

Роль проводника германского политического влияния в Курдистане играли также немецкие протестантские миссии. Весной 1914 г. германский консул в Тавризе М. Литтен официально заявил, что берёт под своё покровительство протестантов-ассирийцев Урмийского района, что вызвало решительный протест со стороны российского внешнеполитического ведомства [12. Т. 3. С. 64].

Германия действовала в Иране не только непосредственно, но и опосредовано, через Турцию. Ещё в

1905 г. поощряемая Берлином Османская империя, воспользовавшись неудачами России в войне с Японией и слабостью шахского правительства, попыталась решить в свою пользу многовековой турецко-иранский пограничный конфликт. В августе 1905 г. после ряда провокаций Турция направила свои войска к иранской границе и захватила ряд приграничных персидских областей вокруг Урмийского озера [16. С. 10–12]. Пребывание турецких войск на оккупированных территориях Северо-Западного Ирана до конца 1912 г. дало немцам удобный повод для активизации своей разведывательно-политической деятельности в Иранском Курдистане.

Так, например, в ноябре 1907 г. в Керманшахе прибыл известный германский публицист, специалист по ближневосточным делам и один из идеологов доктрины «Дранг нахт Остен» доктор Г. Гротте. До этого он долго путешествовал по тем районам Азиатской Турции, где должна была пройти Багдадская железная дорога. В Восточном Курдистане доктор Гротте собирал экономические и военные сведения. По мнению российского консула в Керманшахе Н.П. Никольского, он имел особые поручения от германского правительства [17. Л. 407]. Летом 1912 г. разведывательную поездку по Северной Персии совершили два офицера немецкого Генерального штаба – фон Вестарн и Э. Ланге. Их приезд в Курдистан совпал с выступлениями курдов против расквартированных здесь российских войск [18. Л. 64].

После ухода турецких войск с иранской территории активность германской агентуры в Иранском Курдистане не только не снизилась, а, наоборот, ещё больше выросла. Осенью 1913–1914 гг. немецкие разведчики, невзирая на бездорожье и суровые климатические условия, продолжали всестороннее изучение различных районов Курдистана. С начала 1914 г. объектом пристального внимания германских агентов стала Урмия. «Немцы, – писал Введенский, – решили включить в сферу своих интересов и Урмийский район, проявляя при этом большую смелость» [19. Л. 185].

Кроме Урмии кайзеровское правительство стремилось закрепиться также в крупном курдском центре Ушну. В этой связи В. Шюнеман вступил в переговоры с турецким генеральным консулом в Тавризе о назначении общего консульского агента в этом городе. «Политически Ушну как ворота в Курдистан, – отмечал П.П. Введенский, – имеет большое значение для задач германской политики, прилагающей вполне понятные попытки обосноваться там». Здесь немцам удалось использовать для продвижения своих интересов некоторых местных жителей, главным образом из числа торговых агентов. Один из них – Мир Мехти – убеждал курдов в том, что Германия является покровительницей ислама и защитником курдского народа как в Иране, так и в Турции [Там же. Л. 276–277].

Особых успехов германская пропаганда достигла в Макинском ханстве, непосредственно примыкавшем к Российской империей. В январе 1913 г. русские военные власти в Иране были поражены известием о том, что макинский сердар Муртаз Кули-хан, ранее заигрывавший с Россией и просивший у царского прави-

тельства винтовки-«трёхлинейки», обратился к Германии с просьбой выделить ему инструкторов для «своего войска» [4. С. 191]. Из перехваченной русским консульством переписки немецкого агента в Хое с макинскими феодалами явствовало, что Германия прежде всего делала ставку на усиление своих коммерческих связей с Маку. Однако их политическая подоплёка в антироссийской деятельности не вызвала сомнений. Как сообщал российский вице-консул в Хое Чирков, прогерманские настроения при активном содействии хана стали быстро распространяться среди верхушки курдских племён. «Макинские курды, – докладывал он в мае 1914 г., – главы коих возвратились из Маку на свои кочёвки с крупными денежными подарками сердара, крайне интересуются неизвестной им дотоле Германией» [12. Т. 2. С. 523].

К лету 1914 г., когда на Ближнем Востоке, как и во всём мире, назревали грозные события, германская подрывная деятельность в Иранском Курдистане приняла особенно значительные размеры. Немецкие эмиссары внушали курдам, что русские скоро уйдут из этой области и вновь появятся турецкие войска, обещали помочь людьми и оружием. Эта агитация нередко имела успех [Там же. Т. 4. С. 323].

Правительство Российской империи, которое было заинтересовано в нормализации обстановки в Восточном Курдистане, больше не могло мириться с быстрым увеличением германской угрозы вблизи жизненно важных центров страны. «Курдская» политика России в Иране в последние предвоенные годы преследовала две основные цели: во-первых, укрепление экономических и политических позиций царизма в традиционной сфере его влияния; во-вторых, обеспечение обороноспособности кавказской границы перед лицом грозившей военной опасности со стороны подстрекаемой Германией Турции. В первую очередь в Петербурге позаботились об усилении своих военных контингентов как в самом Иранском Курдистане, так и в прилегающих к нему районах Персии, введённых сюда ещё в 1909 г. для подавления революции. Так, в сентябре 1911 г. по распоряжению главы российского правительства В.Н. Коковцова русские войска заняли некоторые пункты в опорной зоне в тылу у турок [20. Л. 81].

В конце декабря 1911 г. на специальном заседании Совета министров обсуждалась ситуация в сопредельных с Турцией областях северо-западного Ирана. В частности, было решено, что турецкие захваты в районе Урмии представляют серьёзную угрозу русским интересам в Иране, в связи с чем было принято решение о значительном усилении русского отряда в Хое и занятии некоторых селений Урмийского округа «для защиты русских подданных от разбоев курдов». Занятие Маку было признано несвоевременным, но осуществление мероприятий к этому – необходимым. Кроме того, Совет министров принял решение об общем увеличении российских войск на Кавказе [11. Т. 19, Ч. 1. С. 245–247].

Другой мерой, предпринятой российским правительством в этот период, было расширение консульской службы в Северо-Западном Иране. В конце 1911 г. были открыты вице-консульства в Хое и Со-

уджбулаке. Последнее вскоре возглавил талантливый востоковед и прекрасный знаток курдского вопроса полковник А.И. Ияс, который много сделал для укрепления русского влияния среди мукрийских курдов. В 1912 г. он принял активное участие в реализации программы штаба Кавказского военного округа по всестороннему изучению Иранского Курдистана. В августе 1913 г. Ияс совершил поездку по приграничным округам Западной Персии. В ходе этой поездки им были собраны ценные политические, статистические, военно-географические и этнографические сведения о курдах, а также установлены тесные связи с отдельными представителями курдской племенной верхушки [21].

Вместе с тем, несмотря на открытие новых консульских учреждений, российская консульская служба в Иранском Курдистане оставалась недостаточно развитой и не справлялась в полной мере со своими многообразными и усложнившимися задачами. В работе российских консулов было много недостатков. Введенский, например, считал, что самое слабое место в деятельности русских дипломатов в Урмии – это отсутствие внештатных консульских агентов в отдалённых местностях провинции. В этой связи он ходатайствовал о немедленном назначении в Ушну и ряд других пограничных районов внештатного консульского агента, ибо, как писал он в МИД, «российское влияние среди курдских племён ничтожно» [14. С. 16].

Ввод новых контингентов российских войск в Западный Иран в конце 1911 – начале 1912 г. привёл к более частым и непосредственным связям русских с курдами. В середине февраля 1912 г. русские отряды заняли Хой, Дильман и Урмию. Эта акция произвела сильное впечатление на местное население и заметно подорвала германо-турецкие позиции в северной части Иранского Курдистана. Однако продвижение российских войск не обошлось без столкновений с курдами, которых всячески подстрекали немецкие и турецкие агенты, снабжая их оружием и боеприпасами. Летом 1912 г. туркам удалось спровоцировать ряд курдских нападений на русские военные отряды и учреждения. Так, например, сильный отпор курдам был дан при Хантахты и Тазакенде [18. Л. 61–63].

Спровоцированные турками и немцами столкновения между курдскими племенами и русскими войсками причиняли немало затруднений российским дипломатам в Иране, породив оживлённую дискуссию по вопросу о привлечении курдов на сторону России. При этом высказывались самые разнообразные точки зрения. Так, генеральный консул в Тавризе А.А. Орлов считал, что курды с готовностью перейдут на сторону российского правительства, если только «им будет гарантирована личная неприкосновенность и существование племенного устройства». Орлов также высказывался о необходимости объединения иранских и турецких курдов под главенством вождя самого слабого племени, которым в то время считалась джафская ветвь, находившаяся под властью племени горанов. «Авторитет главы этого племени, – отмечал он, – был бы чисто моральным, в силу этого приемлемым для сильного племени, а осуществление

власти зависело бы от соглашения большинства племён, которому каждое отдельное племя, как сильно оно ни было бы, принуждалось бы подчиняться» [22. Л. 7].

Несколько иных взглядов придерживался А.И. Ияс. По его мнению, российские дипломаты должны были следить за сохранением порядка старшинства в курдских районах и «не допускать учинения местными властями несправедливости, своеволия и притеснений как в отношении отдельных лиц, так и целых родов и племён» [23. Л. 221]. Русские консулы, указывал он, должны стать посредниками в семейных и имущественных раздорах между курдами, чтобы приучить их «постоянно обращаться по своим спорам, разногласиям и другим делам в консульства». Тогда курды, полагал Ияс, «будут смотреть на русских как на своих естественных покровителей и руководителей» [Там же. Л. 221–222].

Вице-консул П.П. Введенский придавал большое значение ликвидации национальной розни между курдами и ассирийцами, обитавшими в Урмийской области. Причина розни, по мнению Введенского, крылась в угнетении ассирийцев феодальной верхушкой курдских племён. Необходимо примирить «национальные и материальные интересы двух народов, не ушедших далеко друг от друга в культурном отношении», и в первую очередь урегулировать земельный вопрос, добиваясь того, чтобы курдские помещики, которые в период турецкой оккупации пользовались безоговорочной поддержкой турок, были лишены незаконно захваченных ими земель. Следует сделать всё, писал далее Введенский, чтобы как-то отделить курдов от ассирийцев, а также содействовать географическому сближению иранских ассирийцев с их соплеменниками в Турции с целью, как пояснял он, создания «христианского оплота против возможного фундаментализма мусульман, подогреваемых немецкой пропагандой» [24. Л. 53–59]. В этой связи в июле 1914 г. П.П. Введенский поддержал проект внештат-

ного драгомана вице-консульства Петроса Эллова о переселении горных ассирийцев из турецкой области Хакяри в приграничные персидские округа Тергевер и Барадос, а местных курдов – в соседние Дештебель и Мергевер [14. С. 21–22].

В то же время среди российских дипломатических представителей были и другие мнения в отношении курдов. Некоторые из них были не склонны переоценивать значение курдского фактора в осуществлении политики России в Северо-Западной Персии. Так, в одной из посольских депеш, направленной в 1913 г. на имя заведующего отделом Среднего Востока В.О. Клемма, отмечалось: «Всеякие комбинации с главарями разных курдских племён едва ли могут обещать прочных результатов и постоянно будут угрожать нам самыми неожиданными разочарованиями, ибо при своей безграничной любви к свободе, крайней недисциплинированности, неукротимой склонности к междоусобицам и мечтами о независимости они представляются весьма неустойчивыми и ненадёжными» [25. Л. 2].

Сами курдские вожди преследовали собственные цели и вовсе не желали слепо действовать по указке из Петербурга. Некоторые из них думали только о личной выгоде, другие же мыслили шире и мечтали, по словам российского посла в Турции М.Н. Гирса, «сплотить курдов сперва в Персии», а затем и в Османской империи, что «следует признать совершенно не соответствующим нашим интересам» [26. Л. 20–21]. Всем этим умело пользовалась германская агентура, которая в предвоенный период значительно активизировала свою деятельность среди иранских курдов.

В целом к середине 1914 г. кайзеровской Германии удалось достичь в Иранском Курдистане вполне осязаемых политических успехов и подорвать здесь позиции России, что впоследствии отразилось на ходе военных действий в этом регионе во время Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / сост. и ред. Ю.В. Ключников, А. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1925. Ч. 1: От Французской революции до империалистической войны. 444 с.
2. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 610 с.
3. Фукс А.К. Германская политика в Персии // Новый Восток. 1928. Кн. 20–21. С. 110–130.
4. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 221 с.
5. Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1991. 292 с.
6. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по 31 декабря 1911. СПб.: Изд. Министерства иностранных дел, 1911. Вып. 1: С конца 1906 г. по 1 ноября 1908 г. 314 с.
7. Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 305 с.
8. Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 г. М.: Учпедгиз, 1960. 216 с.
9. К истории Потсдамского соглашения 1911 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1933. № 3 (58). С. 46–57.
10. Доклады бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова Николаю Романову // Красный архив. Исторический журнал. 1923. № 3 (3). С. 5–28.
11. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. 1878–1917. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издание, 1938–1940. Сер. II (1900–1913). Т. 18–20.
12. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. 1878–1917. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издание, 1931–1938. Сер. III (1914–1917). Т. 1–10.
13. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. № 144 «Персидский стол». Оп. 488. Д. 147.
14. Генис В.Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920). М.: Мысль, 2003. 416 с.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. № 2000 «Главное управление Генерального штаба». Оп. 1. Д. 991.
16. Ардагов М. Турецко-персидский пограничный конфликт // Известия штаба Кавказского военного округа. 1907. 3-я треть, № 21. С. 1–26.
17. АВПРИ. Ф. № 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел». Оп. 470. Д. 124.

18. АВПРИ. Ф. № 194 «Миссия в Персии». Оп. 528/б. Д. 57.
19. АВПРИ. Ф. № 144 «Персидский стол». Оп. 488. Д. 142.
20. АВПРИ. Ф. № 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/2. Д. 35.
21. См.: Ияс А.И. Поездка по северному Персидскому Курдистану лейб-гвардии Литовского полка полковника А.И. Ияса, бывшего российского вице-консула в Соуджбулаке. Петроград : Тип. В.О. Карбаума, 1915. 42 с.
22. АВПРИ. Ф. № 144 «Персидский стол». Оп. 488. Д. 572б.
23. АВПРИ. Ф. № 144 «Персидский стол». Оп. 488. Д. 1208.
24. АПРИИ. Ф. № 194 «Миссия в Персии». Оп. 528/б. Д. 90.
25. АВПРИ. Ф. № 194 «Миссия в Персии». Оп. 528/б. Д. 71.
26. АВПРИ. Ф. № 144 «Персидский стол». Оп. 488. Д. 1210.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 августа 2016 г.

IRANIAN KURDISTAN IN THE RUSSIAN-GERMAN RELATIONS ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 69–77.

DOI: 10.17223/15617793/411/10

Aleksey S. Kornilovskiy, Luhansk Taras Shevchenko National University (Luhansk, Ukraine). E-mail: akornils@yandex.ru

Keywords: Russia; Germany; Iran (Persia); Kurdistan; Kurds.

The article describes the complex research on the problems of the Russian-German conflict in Iranian Kurdistan on the eve of the First World War (1907–1914). On the basis of a wide range of sources, which include archival materials, official publications of documents and analysis of the scientific literature on the subject, an attempt was made to give an objective assessment to the historical events that occurred in this region in the first third of the twentieth century. The development of the German-Russian rivalry in the Kurdish provinces of Iran in 1907–1914 is characterized. The place given to the Kurdish question in the system of foreign policy goals and objectives of the two great European powers in the Middle Eastern arena in the period under review is determined. Prerequisites of the Kaiser's Germany policy formation on Iranian Kurds in the context of the general doctrine of *Drang nach Osten*, as well as the policy of the Russian Empire aimed at preserving its economic and political dominance of the North-western Iran and at ensuring the safety of its Transcaucasia possessions, are disclosed. The paper reflects the means of penetration of Russia and Germany in Iranian Kurdistan on the eve of the First World War. The German leadership, using the methods of economic penetration and political maneuvering, was meant to win a strong position among the Iranian Kurds in order to continue to use them in their expansion to the East and the Caucasus. This desire, of course, met serious opposition on the part of the tsarist government. The paper studies the forms and methods of the Russian-German conflict in Iranian Kurdistan on the eve of the First World War and the main results of this struggle. Attention is also paid to the discussion that ensued among the Russian diplomats on the issue regarding the use of the Kurdish factor in Russia's interests in the Middle and the Near East. The ability to act and blunders of the German and Russian governments in their policies towards the Kurds are analyzed. It is concluded that, overall, the German policy in Iranian Kurdistan in 1907–1914 was much more successful than the Russian. The ruling circles of the Kaiser's Germany with the help of its agents were able to establish strong ties with the Iranian Kurds, have a significant impact on them and undermine the position of their rival. It was later successfully used by the German commanders during combat operations in the initial phase of hostilities at the Turkish-Asian arena of the First World War.

REFERENCES

1. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1925) *Mezhdunarodnaya politika novyeyshego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiyakh* [International politics of modern times in the treaties, declarations and notes]. Vol. 1. Moscow: Litizdat NKID.
2. Erusalimskiy, A.S. (1951) *Vneshnyaya politika i diplomatiya germanskogo imperializma v kontse XIX veka* [Foreign policy and diplomacy of German imperialism in the late nineteenth century]. Moscow: USSR AS.
3. Fuks, A.K. (1928) *Germanskaya politika v Persii* [German policy in Persia]. *Novyy Vostok*. 20–21. pp. 110–130.
4. Istyagin, L.G. (1976) *Germanskoe proniknovenie v Iran i russko-germanskoe protivorechiya nakanune Pervoy mirovoy voyny* [German penetration in Iran and the Russian-German controversy on the eve of the First World War]. Moscow: Nauka.
5. Tupolev, B.M. (1991) *Germanskii imperializm v bor'be za "mesto pod solntsem"*. *Germanskaya ekspansiya na Blizhnem Vostoke, v vostochnoy Afrike i v rayone Indiyanskogo okeana v kontse XIX – nachale XX vv.* [German imperialism in the struggle for "a place under the sun". German expansion into the Middle East, East Africa and the Indian Ocean at the end of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
6. Ministry of Foreign Affairs. (1911) *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsya sobytiy v Persii s kontsa 1906 g. po 31 dekabrya 1911* [Collection of diplomatic documents concerning the events in Persia from the end of 1906 to 31 December 1911]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. Ministerstva inostrannykh del.
7. Astaf'ev, I.I. (1976) *Russko-germanskoe diplomaticheskie otnosheniya. 1905–1911 gg. Ot Portsmutskogo mira do Potsdamskogo soglasheniya* [Russian-German diplomatic relations. 1905–1911. From the Peace of Portsmouth to the Potsdam Agreement]. Moscow: Moscow University.
8. Bovykin, V.I. (1960) *Ocherki istorii vneshney politiki Rossii. Konets XIX veka – 1917 g.* [Essays on the history of Russian foreign policy. The end of the nineteenth century – 1917]. Moscow: Uchpedgiz.
9. Krasnyy arkhiv. (1933) *K istorii Potsdamskogo soglasheniya 1911 g.* [On the history of the Potsdam Agreement of 1911]. *Krasnyy arkhiv. Istoricheskiy zhurnal*. 3 (58). pp. 46–57.
10. Krasnyy arkhiv. (1923) *Doklady byvshego ministra inostrannykh del S.D. Sazonova Nikolayu Romanovu* [Reports of the former Minister of Foreign Affairs, S.D. Sazonov to Nikolai Romanov]. *Krasnyy arkhiv. Istoricheskiy zhurnal*. 3 (3). pp. 5–28.
11. Anon. (1938–1940) *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma. Dokumenty iz arkhiva tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv. 1878–1917* [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the tsarist and Provisional governments. 1878–1917]. Ser. II. Vols 18–20. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdanie.
12. Anon. (1931–1938) *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma. Dokumenty iz arkhiva tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv. 1878–1917* [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the tsarist and Provisional governments. 1878–1917]. Ser. III. Vols 1–10. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdanie.
13. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 144 *Persidskiy stol* [Persian desk]. List 488. File 147.
14. Genis, V.L. (2003) *Vise-konsul Vvedenskiy. Sluzhba v Persii i Bukharskom khanstve (1906–1920)* [Vice-Consul Vvedensky. Service in Persia and in the Bukhara Khanate (1906–1920)]. Moscow: Mysl'.

15. Russian State Military Historical Archive. Fund 2000 *Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba* [General Directorate of the General Staff]. List 1. File 991.
16. Ardatov, M. (1907) Turetsko-persidskiy pogranichnyy konflikt [The Turkish-Persian border conflict]. *Izvestiya shtaba Kavkazskogo voennogo okruga*. 3rd-third. 21. pp. 1–26.
17. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 133 *Kantselyariya Ministerstva inostrannykh del* [Office of the Ministry of Foreign Affairs]. List 470. File 124.
18. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 194 *Missiya v Persii* [Mission in Persia]. List 528/b. File 57.
19. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 144 *Persidskiy stol* [Persian desk]. List 488. File 142.
20. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 180 *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy at Constantinople]. List 517/2. File 35.
21. Iyas, A.I. (1915) *Poezdka po severnomu Persidskomu Kurdistanu leyb-gvardii Litovskogo polka polkovnika A.I. Iyasa, byvshego rossiyskogo vitse-konsula v Soudzhbulake* [A trip along the northern Persian Kurdistan of Colonel of the Life Guards regiment of Lithuania A.I. Iyas, former Russian vice-consul in Soudzhbulak]. Petrograd: tip. V.O. Karbauma.
22. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 144 *Persidskiy stol* [Persian desk]. List 489. File 572b.
23. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 144 *Persidskiy stol* [Persian desk]. List 488. File 1208.
24. AVPRI. Fund 194 *Missiya v Persii* [Mission in Persia]. List 528/b. File 90.
25. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 194 *Missiya v Persii* [Mission in Persia]. List 528/b. File 71.
26. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 144 *Persidskiy stol* [Persian desk]. List 488. File 1210.

Received: 22 August 2016